

Пролог

Время летит быстро, особенно когда есть чем заняться. А уж если это такое дело, которое тебе нравится, затягивает с головой... У Андрея Кожухова было именно такое дело. С тех пор как ему, тогда еще сталкеру с позывным Капон, подарил свой логический блок разумный кибер Зан из параллельной реальности, прошло уже три года, а казалось, что это было лишь три недели назад. Ну хорошо, три месяца... Правда, ни за три месяца, ни тем более за три недели не удалось бы продвинуться так далеко в решении этой истине фантастической задачи — созданию искусственного интеллекта. Настоящего разума, подобного человеческому, а не просто безмозглой псевдоинтеллектуальной игрушки, которую привыкли называть ИИ все кому не лень. Ведь и Зан сделал свой подарок именно для этой цели — помочь нашему миру сделать прорывной шаг в будущее, как бы высокопарно это ни звучало.

Конечно, Андрей бы ничего не сумел сделать в одиночку — не хватило бы ни знаний, ни умений, ни технических средств. Но, к счастью, тогда, три года назад, он узнал о небольшой компании «ЭРа» (сокращенно от «Электронные Разработки»), возглавляемой мурманским богачом-энтузиастом Даниилом Артемьевичем Ерчихиным, и обратился с безумным предложением к нему. Да, Андрей дал Зану слово, что не станет рассказывать об истинном происхождении блока, поэтому пришлось сочинить легенду, что загадочный «черный ящик» (блок и правда был темно-серого, почти черного цвета) он нашел во время лесного похода и считает его наследием древних гиперборейцев,

но какая, собственно, разница? Главное, что изучение этой находки и впрямь дало существенный толчок в нужном направлении.

Ерчихин, сам не будучи специалистом в данной сфере, был тем не менее серьезно увлечен темой искусственного интеллекта и не жалел для этого ни сил, ни средств, ни своего умения решать организационные, юридические и прочие многочисленные вопросы. А они, особенно поначалу, выросли как грибы в том самом лесу, где когда-то «нашел» блок Андрей и где теперь на базе той самой мурманской «ЭРы» обосновалась большая секретная лаборатория. Да что там — настоящий научный городок! Ерчихину даже удалось согласовать все с ФСБ и военными, так что для посторонних глаз и ушей доступа туда в принципе не имелось. Все было направлено на достижение цели — создание искусственного разума, к чему специалисты городка уже вплотную приблизились.

Андрей все эти три года тоже был в их числе. Он перестал быть сталкером и стал теперь хакером. «В хорошем смысле этого слова», как сказал перед расставанием Васюта, который в той, параллельной реальности Помутнения, наряду с Ломом, Заном и прочими наверняка и сейчас оставался по-прежнему сталкером. А кем ему еще там быть? Правда, и сам Андрей, который теперь даже мысленно не называл себя Капоном, все же порой и здесь чувствовал отголоски Помутнения, ведь этому невероятному, таинственному явлению тогда частично удалось проникнуть и в этот мир через открываемые сталкерами переходы. Недаром ведь долгое время действовала здесь аномалия, не позволяющая перенести в другое место подаренный кибером блок. И кто знает, не затаились ли где-то еще и другие? Нет, даже став хакером, Андрей все равно некой частью себя оставался и сталкером, помня, что Зона Севера, как они с друзьями называли Помутнение, пусть и затаившись, все еще может быть рядом.

Глава 1

Курносый рядовой в новеньком камуфляже так неспешно шел к воротам и настолько медленно их потом открывал, что Андрею хотелось выскочить из внедорожника и ускорить действия солдатака «волшебным пенделем». Но не выскочил, конечно, сдержался. Да и парнишку можно было понять. Как там говорится? Солдат спит — служба идет. Особенно такая служба. Когда делать нечего, время тянется и тянется... А делать в этой якобы воинской части служивому люду и впрямь было нечего, разве что, вот, ворота открывать. И закрывать потом, разумеется. Ну, еще чужих на территорию не пущать, в том числе и медведей, которых развелось в последние годы столько, что за пределы городка, обнесенного высоким бетонным забором с колючей спиралью типа «егоза» поверху, выходить совершенно не хотелось, пусть грибов-ягод в округе, как говорили любители «тихой охоты», можно было черпать сразу ведрами.

Один из таких любителей — Мишка Кочергин — неожиданно возник возле Андрюхиного «Севера», и, заикаясь сильнее обычного, встревоженно закудахтал:

— Т-ты к-куда эт-то?! Т-ты к-куд-да?.. А м-мед-дведи?

— Я в Мончегорск, — опустив стекло, усмехнулся Андрей. — Там только лось, да и то бронзовый. Верись?

— К-как-кой лось? — встрепенулся толстяк Кочергин. — Л-лось — тоже оп-пасно... Ах, т-тот лось! П-памятник... — Он взмахнул рукой, вытерев заодно со лба пот. — Т-ты в-все ш-шутишь. А вот м-мне с-совсем

н-не с-смешно б-было, когда м-мы с т-тезкой в л-лесу
н-нос к н-носу...

Михаил собрался в двадцатый уже, наверное, раз поведать о своей недавней встрече с косолапым, но переминавшийся с ноги на ногу солдат уныло протянул:

— Господи-ин Кожухов, вы е-едете, не-ет? Ворота же нараспашку!

— А тебе что, дует? — поинтересовался Андрей.

Рядовой нетерпеливо запыхтел. Возможно, у них и впрямь были какие-то правила, запрещающие долго держать ворота открытыми.

— Ладно, — вытянув из окна руку, хлопнул Кожухов по локтю приятеля. — Не переживай, я в лесу не буду останавливаться.

— Вот и п-правильно, — успокоился и почти перестал заикаться Кочергин. — И н-не надо. А то с-смех же просто: д-двадцать первый век на дворе, а м-медведей стало б-больше, чем людей...

— Госпо-оди-ин Ко-ожухов! — набрав в грудь воздуха, взмолился солдатик.

— Еду, еду, — сказал Андрей и кивнул Мишке: — Давай, пока. ИРу не обижай. И другим не позволяй.

— К-костями лягу, — прижал Кочергин ладонь к сердцу. — А ты п-привет от меня передавай дяде В-васе с тетей К-катей.

— Обязательно, — включив стеклоподъемник, улыбнулся Кожухов и выехал наконец за ворота.

Михаил Кочергин, пусть и был куда толще Васюты, да еще и сильно заикался, все равно чем-то напоминал Андрею оставшегося в ином мире приятеля. Раньше он не считал того таким уж загадочным другом, но теперь скучал по нему, вспоминая и Васютины, порой нелепые, высказывания, и его прикольные, на все случаи жизни, частушки-садюшки... Кочергин стихов не сочинял, но все равно Андрей был рад, что этот неуклюжий увалень есть, пусть

и не совсем уж рядом. По-настоящему рядом, если говорить начистоту, с Андреем не было за эти три года никого. Разве что в каком-то смысле ИРа...

В боковое зеркало он увидел, как смыкаются высокие бурые створки ворот. На каждой по двуглавному орлу со скрещенными топорами в лапах — эмблемой инженерных войск. А почему нет? Какая разница, каких именно, пусть хоть воздушно-десантных, если городок лишь для чужих считался военным. На самом же деле его обитатели ни с кем воевать и никого защищать не собирались. Они сами защищались — от ненужного внимания и посторонних глаз. Городок располагался в лесу, в паре десятков километров от Кольской атомной электростанции, от города Полярные Зори. Поначалу у них просто не было другого выбора — аномалия не позволяла вынести из весьма ограниченной зоны предмет исследований — логический блок. Но потом, когда действие аномалии иссякло, оказалось, что это место отлично подходит и само по себе. Основные модули суперкомпьютера, главного, не считая логического блока, инструмента проекта, выделяли огромное количество тепла и потому размещались глубоко под землей, где на Кольском полуострове даже летом находится вечная мерзлота. Близость же атомной станции также была чрезвычайно выгодна — энергии система потребляла много. Ужасающе много. И ее поступление должно было осуществляться непрерывно. Тянуть провода куда-то слишком далеко — это и невыгодно, и сложно, и чересчур бросается в глаза. Проложить под землей двадцать километров кабеля — особенно под каменистой Кольской землей — дело тоже не особо легкое, но специалисты с этим справились. А после этого другие специалисты, включая Андрея Кожухова и Михаила Кочергина, тоже отправились под землю — поближе к инструменту своей работы — суперкомпьютеру. Но далеко не все из них обслуживали сверх-

мощное и супербыстрое компьютерное «железо». Некоторые, и Андрей в том числе, пытались вложить в него душу, как в переносном, так и в самом прямом смысле. Главной целью проекта, как уже говорилось, являлось создание искусственного интеллекта. Не условного, а настоящего, истинного разума. Такого же, как у человека, только нечеловеческого. Он должен был мыслить, но в тысячи, миллионы раз быстрее и лучше, чем человек. Точнее, она. Но это потом. Поначалу оно было только умным, но не разумным железом, погруженным в вечную мерзлоту заполярного Севера.

* * *

Андрей старался хотя бы раз в месяц навестить в выходные родителей, которые жили в родном Мончегорске. От засекреченного городка до трассы Мурманск — Санкт-Петербург было не больше двух десятков километров. Правда, грунтовая дорога, проложенная еще при строительстве и больше ни разу не ремонтировавшаяся, оставляла желать лучшего, но поговаривали, что так и было задумано, чтобы не привлекать к себе излишне любопытных. А военная техника, имевшаяся в распоряжении ученых, равно как и внедорожники «Север», которые с большими скидками от «ЭРы» приобрели почти все основные специалисты, и по такой дороге вполне себе проезжали. Если сильно не гнать. Зато выехав на шоссе, можно было вдавить от души и меньше чем за час покрыть оставшиеся девяносто километров.

Что Кожухов и сделал. В смысле, вдавил. И мысли, не занятые больше трудностями лесной дороги, снова вернулись к Михаилу Кочергину. Точнее, к его недавней встрече с медведем, о которой тот всем уже прожужжал уши. И хотя Мишка только что еще раз повторил, как ему при этом было не смешно, случай-то как раз получился довольно веселым.

Мысли тут же перенеслись к ИРе... Нет, тогда у нее еще не было имени. Но уже был голос — его «пода-рила» зарождающемуся искусственному разуму техник-программист Лана Горюнова, довольно приятная девушка, лет на пять-шесть младше Андрея, тридцатника ей еще вроде как не было, хотя и его, тридцатипятилетнего, по новым законам пока еще причисляли к молодежи. Впрочем, таких, как они с Ланой, было в коллективе едва ли не большинство. Здесь ценился не возраст, а знания. И способность их применить. А еще — умение нестандартно, творчески мыслить. Чтобы создать мысль в холодном железе, нужно в своей голове иметь нечто особенное. Возможно, для этого следовало быть достаточно безумным.

Голос Ланы, как и сама девушка, Андрею нравился, и несколько раз он невольно обратился так к его новому владельцу — искусственному разуму. То есть теперь уже как бы владельцу. Но это не понравилось им обоим. Лана вообще едва не обиделась на Кожухова, а машина была безэмоциональна, но категорична:

- Идентификатор должен быть уникальным.
- Может, ты сама предложишь? — буркнул Андрей.
- Нет. Люди не присваивают себе имена сами.
- Но ты же... — Кожухов замялся.
- Не человек? Дай мне имя — и я стану им немного

больше, чем сейчас.

— Хорошо, но... — Андрей задумался. Первой мыслью было связать имя с «прародителем», чей логический блок стал первоосновой проекта. И что тогда — Зана? Как-то не очень. И придется объяснять остальным, откуда такое странное имя. Нет, это плохая идея. Тогда что? «ИИ», «Искины», которые закрутились в голове, тоже были не тем, что нужно. Тем более, как сказал искусственный разум, «идентификатор должен быть уникальным». Искусственный разум?.. А что, если... ИР? Нет, не то. К тому же

имя предпочтительней женское. Или похожее на такое. Но тогда... Тогда ИРа! Тем более никаких «настоящих» Ирин у них нет. Впрочем, кажется, кто-то из обслуживающего персонала Ирина... Нет, там Ираида. Но ведь тоже как бы Ира... Хотя та Ираида никогда и близко не подойдет к этой ИРе, так что данную неуникальность можно было не принимать во внимание.

Имя машине понравилось.

— ИРа — хорошо. Лаконично, информационно, красиво.

Андрей тогда удивился: искусственный разум впервые посчитал что-то красивым. А вот что значит «смешно», ИРа так и не могла понять.

Сидя сейчас за рулем «Севера», Кожухов и вспомнил как раз тот случай, когда он рассказал ИРе о встрече Мишки Кочергина с медведем. Он вообще взял за правило рассказывать электронной собеседнице все — как если бы делился с обычным, живым человеком. Он считал, что и сама подобная, зачастую весьма абстрактная информация, и неформальный, неструктурированный, живой способ ее подачи пойдут формированию настоящего разума только на пользу.

— Представляешь, — начал он тогда, — Кочергин вчера столкнулся с медведем!

— С какой скоростью? — заинтересованно, что уже понравилось Андрею, спросила ИРа. — Медведь был неподвижен? Какова его примерная масса?

— Зачем это тебе?

— Чтобы определить последствия столкновения. Массу Михаила Кочергина я с большой вероятностью знаю — сто десять килограммов без учета одежды. В момент столкновения на нем была одежда?

— В момент, я думаю, была... Тьфу! Конечно же была. Он же не голым в лес за грибами пошел!

— Зачем вместо грибов он столкнулся с медведем?

— А ты... — Кожухов досадливо поморщился, — ты правда не понимаешь причину?

— Медведь — опасный хищник, — сухо, едва ли не с нотками обиды в голосе, отчеканила ИРа. — Михаил Кочергин достаточно умен, чтобы знать это. Вряд ли он стал бы сознательно рисковать своей жизнью. Поэтому с большой вероятностью я считаю это случайностью.

— Это и было чистой случайностью, — невольно улыбался Андрей. В лаборатории были установлены камеры, одна — непосредственно над основной мониторной пленкой, поэтому он знал, что ИРа видит эту улыбку. Но как ее воспримет? То ли он радуется верному ответу, то ли смеется над наивностью собеседницы... И Кожухов поспешно добавил: — Ты сделала совершенно правильный вывод. Но сейчас это ни к чему. Я просто делюсь с тобой интересной историей.

— Интересной? Человек едва не погиб — это интересно?

— Конечно же нет, — вновь поморщился Андрей. — Но я еще не закончил рассказ.

— Продолжай, я слушаю.

— Все вышло не просто случайно, но еще и забавно. Мишка... Михаил Кочергин, взбирался на небольшую горوشку. И так вышло, что с другой стороны на эту же горوشку поднимался другой мишка — ко-солапый...

— Ты имеешь в виду не человека, а животное? Мишка — от слова «медведь»?

— Да, все правильно. Медведя часто называют мишкой, мишуткой...

— Я поняла. Продолжай.

— Так вот... Взбираются два «мишки» на эту горку и другу друга, понятно, не видят. А в итоге вышло так, что наверху они оказались одновременно. И вот тогда-то...

— ...столкнулись, — закончила за Кожухова ИРа.

— Условно говоря, да. Физически они не сталкивались; в смысле, друг друга не касались, а вот увидеть, конечно, увидели. И оба с испуганным ревом снова ринулись вниз.

— Чего испугался медведь? Михаил Кочергин был вооружен?

— Только корзиной, — усмехнулся Андрей. — Верись?

— У меня нет причин сомневаться в твоих словах. Но тогда непонятно. Ведь медведь сильнее невооруженного человека.

— В том-то и заключается интерес этой истории. Обоих напугала неожиданность встречи. И медведь, и человек повели себя одинаково — дали деру. Согласись, смешно же?

— Я не умею смеяться, ты ведь знаешь.

— Но ты хотя бы понимаешь, что это смешно?

— Нет. Испуг — это неприятная реакция. А риск, которому подвергся Кочергин, вызывает лишь озабоченность. Я бы не советовала вам ходить в этот лес без оружия. Смех не может отпугнуть хищных животных. Для этого нужно смеяться очень громко, используя усиливающую звуки аппаратуру. И даже в этом случае я не гарантирую стопроцентный успех.

То, что ИРа не понимала природу смеха, что у нее напроць отсутствовало чувство юмора, не могло быть категорическим доказательством ее неразумности, это Андрей понимал. Зато он не без основания считал, что наличие этого чувства если и не стопроцентно доказывало бы наличие у нее разума, то сильно повышало бы шансы его признать. Да, можно симитировать смех, можно назвать смешными какие-то общеизвестные факты и случаи — те же почерпнутые из глобальной сети анекдоты. Но понять — не уяснить, а именно осознать на уровне чувственного восприятия, смешно что-то или нет, — этого ИРа пока не могла. Или

не научилась еще выделять подобное осознание на фоне происходящих в ее электронном мозгу процессов. А то, что она не имитирует смех, Андрею с одной стороны нравилось. Похоже, ИРа вообще не умела притворяться и лгать даже по мелочам. Казалось бы, очевидный плюс для носителя любого разума — естественного ли, искусственного... Но вот именно что «с одной стороны», именно что «казалось бы». Потому что притворство и ложь — неотъемлемая часть разума. Сама эволюция научила человека притворяться и лгать. Может, все дело в том, что к ИРе эволюция не имела непосредственного отношения? Ее предкам не приходилось выживать, используя для этого хитрость, изворотливость, а зачастую и прямой обман. И все же Кожухов бы откровенно обрадовался, скажи ему ИРа что-нибудь вроде: «У меня шестой модуль памяти зашестерил», а потом бы добавила: «Шучу». Даже «юмор» на уровне детского сада из ИРиных «уст» доставил бы ему больше удовольствия, чем выступление самых знаменитых комиков.

Но — нет. «Я не умею смеяться, ты ведь знаешь». Впрочем, признание этого само по себе имело большое значение. И опять невольно вспомнился Зан. Кибер сначала тоже не умел шутить, но потом все-таки научился, хотя разумным он, безусловно, был и безо всяких шуток. А вот насчет лжи... Было дело, они с Ломом и Силаданом вообще были почти уверены, что кибер хитрит, ведет двойную игру. Но когда он пожертвовал своим резервным блоком как раз для того, чтобы его не считали лжецом, мнение Андрея, откровенно говоря, поменялось. Но все же не безоговорочно. Во всяком случае, даже если кибер не вел двойной игры, это еще не значило, что он не умел врать в принципе.

* * *

За воспоминаниями и размышлениями дорога показала Кожухову на удивление короткой. Казалось бы, только что проезжал ведущую к Кольской АЭС отворот-